

***

А помню, деревня была без названья,
Грибник семилетний по пояс в хвоще.
Из мудрого детского непониманья
Смотрел он: «Зачем им так много вещей?»

Старуха Агафья, а может быть Дарья...
Сказала, прищулив забельменный глаз:
«Он камешек Богом зовет и в кармане
Таскает его. Вот такой он у нас!»

Ушло за увалы комяцкое лето.
Туман уже прятал звезду в бороде.
Я понял тогда, одиночество — это
Болезненный мальчик в осенней воде.

Старуха... не то Акулина... иль Марья
Добавила: «Жалостлив. Как подрастет,
Деньгу не сшибет, бабу вряд ли ударит.
Я чую таких всегда наперед».

Мы в ночь уходили. Прибрежные камни
Опутывал мрак. Растворялась во мгле
Деревня, как жест из времен стародавних.
Лишь камешек долго горел нам вослед.

***

Был ливень впрямь. Был ливень вкось. Был ливень сквозь.
Холодный август чешуей скользил меж сосен.
Латала бабушка и вешала на гвоздь
Мои рубашки: «Ничего, потом износит».

А быт тяжел. А быт — как бык. А быт — как лось.
Глушь леспромхозная. Таежный век без края.
Но золотился от свечи веселый гвоздь.
Спешил опавший лист на запах каравая.

Так хорошо лежать и, корочкой хрустя,
Смотреть, как всадник тенью вырос от заплаты.
И слышать: «Господи, пребудь в нем, как дитя,
От гроз сегодняшних до зорь его закатных!»

Был ливень в сон. Был ливень в ночь. Был ливень в день.
А быт — да был он. С той поры прошло немало
Но всякий раз в канун Успенья вижу тень.
Промчится всадник — жизнь завертится сначала.

***

Глухая ночь. Смешливая река.
Луна — в воде. Косматый берег чахнет
Над ней, и остро хариусом пахнет
Зеленая котомка рыбака.

Зажги костер. Присядь удобней. Пусть
Твой слух твоя рука опережает.
Смотри в огонь. Пиши, как на пожаре,
Выучивай шум ветра наизусть.

На двадцать строк — пятнадцать крепостей,
Которые без штурма не сдадутся.
Лишь пять всего откуда-то прольются.
Вернутся, словно дети из гостей.

Дай уху слышать, а руке бежать.
А если не бежит — стоять на месте,
Как звезды слышат жаберные песни,
Качаясь на волнах и чуть дрожа.

Дослушайся. Побудь на берегу,
Пока багрянец утренний не брызнет.
Что за душой твоей? – случайность жизни.
Да хариус — ответишь — на уху.

Звякнет луна медяком по окошку.
Вскрикнет сова.
Да проскачет горбун
над перелеском, болотом с морошкой.
Дернет калитку, заглянет в избу.

Носом пошмыгает: все ли на месте?
Черную лошадь
поставит на двор.
Углями печь перестанет потрескивать.
Всадник наткнет сапоги на забор.

Ляжет на доски. Укроется бреднем.
Он еще остро
и так, как никто,
помнит ребенком старуху в переднике
ветхом –
поверх мехового пальто.

Вспомнит владенья крапивы кусачей.
Мох, озаренный
брусничным кустом.
Мост. Меж опорами промельк русалочий,
бырь, заметенную волчьим хвостом.

Вспомнит, как детям рассказывал сказки
старый охотник
про духа тайги.
И улыбнется — какие все разные
в отсветах тихо бегущей реки!

Вспомнит, как парус зачатъя все выше
в ночь уходил
к одинокой звезде.
Сорванный лист проплывает над крышами.
Светится в воздухе, словно в воде.

ЗАВИСТЬ

Когда же ты кончишься, блудный певец!?
Когда попадешь в невода!?
Когда же с ума ты сойдешь наконец!?
Вот смеху-то было б тогда!

Зачем по-звериному воешь во мрак!?
Ах да — снова музыка сфер!
И, черт бы подрал, все не хочешь никак
Скрипеть на плакатный манер!

Ну хоть бы ты спился, скатился с колес!
Так нет же, глядишь мимо лиц,
Твердя про какое-то пение звезд.
И в вытяжке слушаешь птиц.

Песком между пальцев куда-то бежишь,
Бормочешь под нос, не дыша.
Из сломанной кости какой, расскажи,
Твоя народилась душа!?

Она — истеричка и полный слабак,
Марина твоя! Разве нет?
Мычанье твое про наклон ее лба
Совсем уж немислимый бред!

Еще из нее — про наклон вроде рек..!
А думать пора про почет.
Чего не измыслит больной человек,
Издавшись за собственный счет!

Скорей бы свершился тот праведный суд
Над ветром, что выпью кричит!
Когда уже вирши твои разнесут
По мусорным бакам грачи!

***

Налетела однажды гроза на рассвете.
На меня из небесных пещер
Выезжал черный ворон на велосипеде
В развевающемся плаще.

Он педали крутил, растропырив колени.
Сладковатый дымок изо рта.
Толпы призраков серых и струи растений
Шелестели за ним по пятам.

Крупных градин была толчея у подъезда.
«Конь» под вороном цепью гремел.
Из колес его спицы с пронзительным треском
Рассыпались в клубящейся тьме.

Тарабарщиной рынка свинцовые капли –
По асфальту, по крышам, по мне.
И стояла душа моя горькою цаплей.
Оперенье прилипло к спине.

И сквозь хохот вороний, сквозь ветер бумажный,
Сквозь грозы разъяренную медь
До меня докатилось: «Всё жду вот, когда же
Я к другому смогу улететь?»

Я не раз еще буду грозою разбужен.
И не раз душу встречу свою.
Так и будет она длинноногая в луже –
Расщепленный, лоснящийся клюв.

А быть может, себя представляя к награде,
Всю промокшую насквозь ее,
Впереди себя ворон на раму посадит
И умчит в королевство свое.

***

Речушка там коленками дрожит,
Подол приподнимая иван-чая.
Лобастый берег облака считает,
За голову ладони заложив.

Изба, окном повернутая к югу,
Чтоб дольше журавлям глядеть вослед.
Орел витает в небе. По земле
Лениво ходит тень его по кругу.

Старухи-сосны отсидели корни.
Чернеет муравьиная строка.
Из неба, как из зеркала, рука
Выходит и в траве медвежьей тонет.

Висит дорога в воздухе и клочья
Горячей пыли на немом столбе.
Душа листает воду в старой бочке
И смотрится – и нравится себе.

***

Спи, отец. Легка седая глина.
Помню, как ты, между прочих дел,
Всей своею сутью ястребиной
Жизни научить меня хотел.

С той наукой спорить было глупо.
Виноват — на Бога не пеняй.
И взлетал ремень. Сжимались зубы.
Ничего. Терпи. Запоминай.

Руки настезь — хрустнули суставы.
Настезь все — глаза, улыбка, грудь,
Синяя накладка с лесосплава.
«Нет, сынок, о ней пока забудь!»

Поворотом лба в иное время,
Но о нем ни слова, лишь намек.
На руки взял мать, в одно мгновенье
Небо повернул в глазах ее.

Ты любил беседовать без смеха.
Я любил, глаза полуприкрыв,
На плечах твоих куда-то ехать,
Белый свет за волосы схватив.

***

Я — «Тридцатьчетверка»! Со мною — на «Вы».
Имею все ж полное право!
Во мне экипаж: Константин из Москвы,
Володька и Имантас Грава.

Еще мы все вместе и папой зовут
Костяна, а Граву зверюгой,
Володька — старшой. Дело наше — мазут.
А грязь — боевая подруга.

Рву с места. По нам артиллерия бьет.
Ложится на землю пехота.
Механик-водитель — из Риги — ведет
Меня на немецкие доты.

— Ну, я за Москву щас! — сказал Константин
И выстрелом полюшко вздыбил.
— Давай, папа Костя! — кричит командир, —
Давай за Смоленск и за Рыбинск!

Давай же за Ригу и за Ленинград! —
А враг уж бежит, не догонишь.
— Да тихо вы, черти, ё! — рыкнул комбат, —
Ведь это ученья всего лишь!

Всего лишь ученья, товарищ комбат!
А я вспомнил хлебные крошки.
А мне показалось, что тигры горят.
И вьется дымок козьей ножки.

А мне показалось, я вышел один
К деревне. Теперь она наша.
Пылает земля. Закурил Константин.
В глазах его зарево пляшет.

Я — «Тридцатьчетверка»! Я выжил один!
Покрытый немеркнувшей славой!
Во мне экипаж: из Москвы Константин,
Володька и Имантас Грава!

***

Семьдесят с лихом эстонцу. Словам
Придавал он большое значенье.
— Здравствуйте, Роберт Иваныч..!
— И вам... Леша, как вы там? Как баба Ксенья?

Семь у эстонца козлук и венук,
Подпоясок, дырявая лейка,
Борода, крошки сыра, кирзовый сапог.
– Вы в какой класс изволите сей год?

– В пятый, – ему отвечаю.
– Ну-ну. Заходите на сыр. Угощаю. –
Он о сыре любил. Никогда — про войну.
– На войне, Леша, люди дичают.

К чему это он? Вязнет сыр на зубах.
В нос бормочет. Я не понимаю.
Вот ведь, экая конская рускость в глазах.
Жаль. Такие быстрее сгорают.

– Ну, Роберт Иваныч, спасибо...
– Иди. Может, сыра в дырявые руки? –
Улыбнулся. Я в сени. Зеленый мундир.
И медаль «За Великие Луки».

***

Яшка скользкий, как обмылок,
Вор — ни дать ни взять.
Он на горлышках бутылок
Может станцевать.

Перочинный нож в кармане.
В голенище плетъ.
Яшка жизнь не отнимает,
Он дарует смерть.

У вербованных зарплата,
Дыбится карман.
В колья местные ребята
Взяли молдаван.

Рухнет кто-то, как осина,
Вздогнут лопухи.
Завтра девушка Марина
Сочинит стихи.

Кровь по бешеным рубашкам.
Вот уже кто где
молдаване. Только Яшка
Бьется в борозде.

Волосы, как черный ворон,
За спиной барак.
Яшка держит нож за горло,
В этом он мастак.

Фикса, бойкая деваха,
Братка, Кистенек,
Вспашут от шнифтов до паха,
Довершит Мысок.

Рухнет кто-то, как осина,
Вздогнут лопухи.
Завтра девушка Марина
Сочинит стихи.

Яшка пятится к бараку.
Падает в золу.
Но вскочил, рванул рубаху.
Взял бензопилу.

Не реви, не плачь, осина.
Навсегда усни.
Завтра девушка Марина
Много сочинит.

Наконец-то крикнул кто-то:
«Шухер. Уходи!»
Все рванули на болото,
Яшка впереди.

И пропал. Скрипит осина –
Тяжелы грехи.
Пишет девушка Марина
Грустные стихи.

ПО СТАРОЙ СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГЕ

Только ястреб, только ветер,
Только белый снег в окно.
Ястреб ждет, когда проедет
Мой серебряный «рено».

И такая чуть живая
Вьется ниточка во мгле.
До Смоленска снег не тает
На трепещущем стекле.

Кружит в небе мой пернатый:
Камнем вниз, стрелю в даль,
То по кругу, как распятый,
В каждом перышке печаль.

То невидимые звезды
Он спешит крылом обнять,
То хватает клювом воздух,
Что-то сияясь мне сказать.

Слышу крик его безумный:
– Сколько не был! Как ты мог..!
Вот пожалуюсь, не думай...
Пусть тебя накажет Бог.

– Что ты, – отвечаю, – бредишь?
– Нет, – кричит, – прости. Нет сил!
Я боялся не доедешь,
Как и к той, что позабыл!

Не доедешь, не домчишься.
Сгинешь где-то в стороне.
И уж больше не приснишься
Ни Смоленску и ни мне.

Вечер. Поле. Снег. Ненастье.
Где дорога? Не видна.
Только в небе кружит ястреб,
Словно выпавший из сна.

***

Руки никто не подаст, коли падаешь в грязь.
И ты, сочинитель, помни: никто не отмоет...
Опять этот кто-то выводит меня на связь
Со светом потусторонним, а значит, и с тьмою.

Ну что, малышка, ты хочешь ещё стихов?
Поверь, это может закончиться очень скверно.
Всего лишь однажды, случайно открыв засов,
Не сможешь забыть странный шум за ветхою дверью.

Для снобов, мещан и глупых филологинь
Поэзия – лишь принадлежность к заветной касте.
Закрой эту тему, а лучше и вовсе задвинь.
Клади на неё... она не приносит счастья.

Кто ведает: стану ли я твоим?
Но если стану, то ты будешь самой лучшей.
Со мной обходись, ну так, как с душевно больным,
Когда вдруг за мною явится сумрак созвучий.

***

Спустился вечер. Тень на огороде,
Отброшенная жимолостью. Вдруг
Рука из бочки медленно выходит:
«А ну-ка, подойди сюда, мой друг!»

Бежать скорей, скорее же туда, где
У отмели коленки в синяках.
Но и оттуда медленно рука
Ползет вверх, дремавшая в засаде.

Бегу. Она прыжками, как лягушка,
За мной. Собачий лай. Калитка. Мать.
Мне восемь лет. Я прячусь под кровать.
И просыпаюсь утром на подушке.

Словно голосом ступая над огнем,
Заводила речь соседская старушка.
Кудри бесом белым – истинный содом.
А глаза на ниточках, как у лягушки.

Говорила сказку долгую, а в ней
Домовитый гном смеялся над медведем,
Великан жевал соломинку во сне,
И веселый людоед на драндулете.

Словно зарослями собственных кудрей
Шла она, порой глаза поднять не смея.
И фамилия похожа на «пырей»,
Из калош огромных – тоненькая шея.

Кто она была? И как попала к нам,
В край, где трактор пробивал себе дорогу?
Плат не носит, говорили, эго срам!
Скот не держит, говорили, срам, ей-богу.

То ли Клара, то ли Кира – как-то так.
Как не скажешь – нет, не угодишь в копейку.
Ни могилы толком. Дом. Гудит сквозняк.
Да береза проросла сквозь телогрейку.

***

Не бывает истории у счастливых.
Гром не задержится на раскате.
Он, словно хоббит на самокате,
Промчится под окнами. Ахнут сливы.

Удивленный тополь от Б. Пастернака.
Синь в узелке – еще не разлита.
В нем что-то есть, Борис Леонидыч,
От вашего лба и вашего «плакать».

Я укроюсь за ним. Но гром будет меток.
Дерево рухнет, не сдюжив напора.
И между сердцем моим и горлом
Оттиснет навеки черную ветку.

Навсегда счастьем меченый, бестелесный.
В точке одной, одном измерении.
Капля встает на носки. Мгновенье.
И вот полетела, чтобы исчезнуть.